

мария лобанова

<дрилбу>

<дрилбу>

мария лобанова

par*les

Мария Лобанова

ДРИЛБУ

стихотворения 2019–2022

2023

UDK 821.161.1-1
Л 68

Marija Lobanova
Drilbu: Dzejolji
(krievu valodā)

Л 68 Лобанова, Мария

Дрилбу: *Стихотворения*. — Ozolnieki : Literature Without Borders, 2023. — 124 стр. — (Paroles; вып. 1).

Мария Лобанова — поэтесса. Родилась в Туле в 1980 году. Изучала поэтическое письмо в «Школе литературных практик», «Московской школе новой литературы (Транслит)» и т. д. Публиковались в журналах и альманахах «Цирк “Олимп” + TV», «Артикуляция», «Литература», «Флаги», ROAR, «Новая Юность», на канале «Ф-письмо», на порталах «Полутона», «Солонеба» и др. Участница редколлегии «Метажурнала». Тексты переведены на английский и польский языки.

Кураторы серии:
Юлия Подлубнова, Нина Александрова

Составление, послесловие:
Денис Ларионов

Обложка:
Андрей Черкасов

- © Лобанова М., 2023
- © Ларионов Д., послесловие, 2023
- © Paroles, макет, 2023
- © Черкасов А., обложка, 2023
- © Кузьмина Н., илл. на обложке, 2023

ISBN 978-9934-9177-0-7

к Рождённой Рыбой и её братом Покоем
отправляю силы свои и песни,
дыхание своё заливаю в склянку, —
пусть долетит через Понт Аксинский

Автоэпиграф

слова как алое земляничное мыло
асимптота, рвань от рвани

Майкл Палмер
(перевод Алексея Парщикова)

будущее запомнит нас

Сапфо

I

ПЕСЕНКИ ТРУБАДУРА

грязные письма стали чистыми
звери и птицы стали сытыми
дали задвигались
дрожа

звуки вышли отовсюду
и вошли в меня словно я раковина
для одной-единственной

сдвигающей тяжёлые плиты
горького шоколада

боги с олимпа пришли ко мне вчера
это наша девочка
сказали они

ДРИЛБУ

в алфавите русского языка буква А обладает разными графемами при написании строчном и прописном вырастает из окружности в треугольник

означает ли это, что наличие углов каким-то образом направляет движение звука вдоль линий, а в их отсутствие звук расходится из центра кругами, будто от сердца

или, может, он рождается при смыкании связок словно отталкивается ногами от дна горлового бассейна и выбрасывает свою плоть на верхнее небо вспышкой выдоха

в дрилбу, тибетском ритуальном колокольчике язычок, который порождает звук при соприкосновении с металлическим телом символизирует клитор Дхатвишвари и то, что глубже

означает ли это, что я пропала?

наверное, возможны иные способы любить
более расслабленные, не эгоистичные
как если бы я сказала тебе, любимая
я принимаю тебя всю со всеми живыми и мёртвыми этого мира
как состав небесного поезда
он едет, и едет, и едет в меня
я говорю ещё
хочу тебя всю
накорми меня сияющими колёсами и голубым дымком
войди в меня без остатка
во мне так много пустого места
стану твоим железным вокзалом с готическими арками
дышать стуком пульсирующего желания
пока не иссякнут свидания дня и ночи
пока не иссякнут свидания дня и ночи

а потом мы снова найдём друг друга

странно, почему я не стесняюсь себя перед тобой
не чувствую вины, когда ты смотришь на меня
словно я совершенно голая стою
со всем моим искуроченным телом
со всеми смуглыми мыслями, странными желаниями
которые разлетаются по телу подобно искрам
будто прошлое — это просто опыт
и мне нравится, что ты возвращаешь меня в реальность
отрываешь от тряпичного умирания в собственной постели
потому что больше ничего не отрывает

когда я впервые увидела тебя
было лето
на тебе были носки с красными горящими петардами
как сандалии с крылышками у Персея
ты спокойно сидела в центре пространства
и молчала
я не могла отвести глаз от твоего молчания
мне хотелось слушать тебя слушать и слушать и смотреть
будто ты всё знаешь и дакини прислуживают тебе
поднося в ладонях звуки тайной мантры
я даже сфоткала твоё молчание издалека
на память
будто я молчу вместе с тобой
а никто этого не видит

КОГДА ВЛЮБЛЯЕШЬСЯ, СТАНОВИШЬСЯ НЕМНОЖКО БЕРЕМЕННОЙ

зачем-то заказала у одного художника 7 цветных женских поп из медиа-пластилина. дома была банка тушёнки и макароны, открыла тушёнку зверски и выела пластмассовой вилкой серединку (вообще не люблю тушенку). то улыбаюсь как чокнутая и ничего делать не могу, то ложусь и плачу непонятно от чего. тело такое мягкое везде, будто я таю, ладони горят. просыпаюсь и сразу ищу тебя, так странно, с чего бы. ничего не могу поделать

время превращается в чугунную лестницу с бесконечно длинным хвостом. жду, жду, настраиваю себя на эту длину, а тело не слушает и забывает, что надо учиться ждать. написала тебе, что приеду — стёрла. просто хочу обнять тебя и лежать, пока не засну, а потом проснуться, а ты — рядом

наверное, я такая сентиментальная перед месячными, превращаюсь в девочку, хочу твой запах и твои руки на моей голове. она сегодня меня выносит просто, боль с самого утра, музыка раздражает, надо пойти погулять, такой закат добрый

придумала одну инсталляцию, не до конца, но кое-что уже есть. надо домыслить. «когда ты меня поцелуешь — я умру, но ты сделай вид, пожалуйста, что не замечаешь, какая я идиотка» — это название

А ТЫ ХОТЕЛ БЫ РЫБОЙ СТАТЬ?

как можно сказать, что справедливости нет
а как же смерть
она приходит ко всем, как солнце или счёт за квартплату
избавление от бедности, боли, старости и одиночества —
так много даров каждому без исключения
можно ли попросить у неё об одном
за то, что воспевала её пуще жизни —
запомнить любимую как вросшую блесну в гортани
чтобы железные слюни сглатывать бестелесно
пока не покажутся звёзды в солёном море
и не заблестит рыболовецкая леска

возлюбленная по ночам крадёт коней сердца моего
как только они чувствуют запах её тела — начинают нежно
пофыркивать своими пушистыми ноздрями, резко подёргивать
хвостами и улыбаться влажными маслинами глаз, будто
лошадиное счастье — это нечто общее на всех, как тёплый дождь
или горная река. будто нет и не было никогда возможности
избежать накатывающего восторга от пребывания рядом с ней.
всё сразу оживает: явления и события заморожены движениями
её рук. она берёт под уздцы еле-еле, почти не натягивая,
причмокивая и прищёлкивая языком, забирает у меня окончания
дней моих. я становлюсь бескрайней линией, пронзающей
пространство вдоль, словно спелую дыню пронзает блестящий
кусочек металла, и мёд её молча ласкает губы мои, а металл
отсекает надежды и страхи черепа моего. мякотка моей силы,
грубость моей нежности, продолжение окончания
и предрассветная боль — всё сжимается во мне, словно тигр
перед прыжком. смотрю и вижу, слушаю и слышу, раздвигаю
мысли о прошлом и будущем, словно листья драконьей травы,
и остаюсь с возлюбленной моей в том, что едино без усилия

по ночам она смотрит в глаза мне
и нет ничего моего, мама, больше нет ничего
она такая красивая, мама, слезами выходит из меня
умнее меня, мудрее меня, и руки её такие бездонные
в них огромная спит планета, медленно переворачиваясь
на сторону солнца
мама, я не встречала такие мягкие звезды в моём животе
как они попали туда, почему я просыпаюсь под утро
и ищу уголки её рта, мама, пропала моя печаль
утонула моя тоска
захлебнулась ревность белой сиренью воздуха
мама, всё стало нестрашным и не таким, как было
словно воскрес кто-то так, что мир стал космосом
и все мы вдруг плаваем в пустоте
и кормимся гроздьями дыхания друг друга
слышишь, мама, ты не в земле
а я не стою над тобой
и всё состоит из звука

люблю, когда ты разрушаешь моё чувство ритма
сворачиваюсь криветкой на дно недели и молчу

люблю не знать о тебе почти ничего, словно ты агент под прикрытием
твоё тайное задание — вскрыть череп моего языка
сделать ум прозрачным сверхпрочным экраном
на котором проявляются образы, понятные только тебе

люблю твои норы в пространстве звука —
кредит доверия этому миру,
не всегда готовому к принятию отсутствия

О ПЕРЕВОДЕ ЛАСКИ НЕЖНОЙ НА ПОЧВУ ТВЁРДУЮ

*гуляя возле дома,
я чуть не подвернула ногу —
подумала, что наступаю на маленького
зелёного лягушонка,
оказалось — просто мокрый лист, —
вот ахиллесова пята моя с рожденья*

изначально сатурнового родника, ударные слова на безударное
алмазное сознание. туманом шерстяным поют пророчества
и лоно снов выплёскивает путь к долине яви тайной.
содрожь двух слов, как губ касание, жужжащих немотой

возьми мои поля и рощи. готова я возделывать спокойно сырое
небо и седое солнце. готова я титаник обратно в игрушечный
кораблик превратить и яд ума давить, как санджовезе,
в пустую твердь сливая горечь ту

рождённая без оперения орлица выклёвывает страх свой лысый.
в остатке клятва перед веточкой оливы о верности стояния
на круге том, не отпуская руки возлюбленной ни на секунду

вот этот танец огненного скерцо пусть опоясывает ночь и день
кольцом метеоритным. доверие к словам искусным преогромно.
я нежностью расту не вверх, а в речь, и август-брат хрустит
на волоске

преодолеть, преобразиться, стать глаголом над бурным
беспокойным междометьем и сущее как кость вылизывать
и грызть. мои все полегли на том конце пустого пепла ночи.

с тех пор конфликта и войны я жажду в каждом миге.
мне б повод только

и в этом тонкий шёлк, который рвётся. но. время как владыка
надо мною смиряет гнев слоновий на милость лани.
из контрабаса звуки вылетая, становятся виолончельной
песнью рта

ЛУНА ДЫРА ЗЕМЛЯ ПУСТОЕ И СНОВА ЛУНА

десятеричную систему исчисления, которую мы используем, когда-то придумали древние индийцы. похоже, они были поэтами-философами и во многих научных трактатах обозначали цифры словами: 0 — пустое, дыра, небо; 1 — луна, земля; 2 — близнецы, глаза, ноздри, губы, крылья; 4 — океаны, стороны света

1

бинарный чёрный монстр, покрытый пылью
гудящая утроба железа:
ток есть — тока нет
ток есть — тока нет
похоже, мы записаны двоичным кодом

может ли пустое осознавать себя без объекта?
есть ли где существовать луне без неба?

2

треск Перито-Морено за спиной
движение со скоростью два метра в день
потери массы и величина новообразованного льда равны
ледник не наступает и не отступает
зажат между Анд, словно язык во рту

повыше у Кордобы земля усеяна слюдой, жара
кактусы в лесу, вода в реках мягкая и холодная
месяц — не С и не Р, а концами вверх, словно пирога
или золотые рога иссиня-чёрного индийского буйвола

снится, что говорю тебе — поиск по картинке
попробуй поиск по картинке

3

деревянная кофточка распахнута
пение птиц будто в лесу

чёрное слово «курлык»
пытаясь зажать
щипцами для льда и сахара
белое поле ущипнула

на плечах
вместо головы
луна дыра земля пустое и снова луна

4

из-за чего луна кажется больше у горизонта
она приближается или увеличивается в размере?
у неба ведь нет углов, как и у луны, или я что-то упускаю?

имеет ли луна намерение быть в небе?
имеет ли небо желание удержать луну?
слова преданность и свобода
неотделимы друг от друга?

иногда мне страшно от того
как мы похожи друг на друга
иногда саму себя не узнаю

5

с санскрита на арабский
слово *шунья* (пустота) перевели словом *сыфр*
имеющим то же значение
словно *шунья* это почва
в которой сидит луна —
корень моего внимания

с арабского на латынь
оставлено без перевода в виде *cifra*
из которого происходят

французское и английское *zero*
немецкое *ziffer* и русское *цифра*
также первоначально означавшее нуль

непохоже, что значение дыры в нуле
словно отсутствующие рога у зайца
скорее, это отсутствующие золотые рога
иссиня-чёрного буйвола —
сегодня их не видно на небе
но вскоре всё изменится

кажется, в этой взаимосвязи
отсутствующего и возможного —
шаги происходящего
и нет других способов любить тебя
моя единица

нет одного взгляда
как нет одной бабочки
неподалёку можно обнаружить другую
множество рук, обнимающих чёрную воронку будущего
словно кастрюлю с острым том ям
и длинные-длинные ручки ложек
чтобы кормить друг друга
как небо кормит землю, а земля кормит нас
преображая одиночество в единение
так переплывём океан скудолюбия и изъятости
сквозь ежедневную смерть продираясь
с глотком горячего переживания

МАКИ

думаешь
это маки
а это
стихи

поцелуи
мои
летающие
за дома

спасибо тебе
за май
лучший май
на земле

так беден мой
тощий ум
что вижу
то и слова

но все они
о тебе
возлюбленный
мой цветок

молчание
о тебе
и тихий экрана
свет

и ласковая
вода
стекающая
к ушам

и синий росток
внутри
и по углам
рассвет

думаешь
это весна
это — не знаю
что

это — не знаю
как
двигается
во мне

выпустила
людей
сделалась
островком

деревом
и большим
облаком
над рекой

плыть мне
и плыть как сон
переставляя
дни

и улыбаясь
вверх

где пустота
и мрак

губы мои
к тебе
пусть долетят
быстрее

и поцелуют
там
где расцветает
мак

вода ждёт
покорно
лаская берега
слушая дрожь
асфальта

кровь
наливается улыбкой
не спрятать
цветёт георгином
из горла

ковш
словно отец
сверху
на апельсин
смотрит

что вместо
сердца
сжимается
в груди моей
как у Лорки

ВСЁ ЗАХВАЧЕНО

проснулась с чувством
что нет никаких границ
и никогда не было
что просто невозможно
не улыбаться

что мне всё равно
какими словами
названо то, что слов не имеет
что между словами
возьми меня и хочу тебя
нет расстояния

будто потоп схлынул
и все преграды разрушены
все смятые бумажки ума
размялись обратно в белых
курлыкающих голубей
моего детства

тысячи причин промолчать
и тысячи причин произнести
в ладонях словно
мгновения тёплого лета
в одном огромном букете
полевых цветов

ты любишь полевые цветы?

не скупость, совсем нет
не сдержанность
не холод, не кто-то ещё
всегда происходит одно —
пахнет морем и выброшенной
на берег остро-свежей морской травой
когда просыпаюсь

когда думаю о словах
«сквозь время» оказывается
это не о будущем вовсе
а о прошлом
времена встали в очередь
соревнуясь пространствами
словно детей своих —
никого не обделю вниманием

всё захвачено

ЛЕСТВИЦА В РАЙ

солнце слепило
отражаясь от асфальта мокрого реки
лествица в рай подумала я
и поехала по ней

к свету руки разворачиваю
бутоны алые в ладонях зеленеют
у фокусника так
который прятать реквизит научен

трюфельное масло и кукурузная мука
губах на тёплых
с улыбкой тайный договор заключён
гудят, как парочка шмелей влюблённых

глаза для поцелуя рождены
той, в чьих владеньях день и ночь
играют в догонялки

поговори со мною
ландыш-коробок

ночь длинная
упала на лобок

перелетаю
твёрдая, как камень

через забор
желтеющих дорог

поговори со мной
не будь жесток

найдётся повод
а не поводок

мне хочется
сушёными губами

закуривать
и выпускать дымок

и чувствовать
биение гортани

как паприку копчёную
в сметане

глаголы алые
замешивать в белок

поговори со мною
мой осенний бог

шуршащими кручёными
словами

ПЯТОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

слова мудрых — как воловьи рожны
Экклезиаст 12:11

человек производящий жизнь
говорит то или это
делает то или это
молчит то или это
пишет то или это

спрашиваю
разве любят за то или это

отвечает
я болен, Маша, он болен, Маша, мы больны, Маша
навсегда болен, болит вот здесь и вот здесь, Маша
мне никто не нужен, мне ничего не поможет, Маша
и глаза его воловьи открыты и неподвижны

другими словами
поезд едет, вагоны трясутся, стаканы полны
кажется, именно так всё и должно быть
но глина стремится к губам вместо кавы
и степь говорит языком тарабарским:
«цвет облаков не так уж и важен,
если солнце они закрывают, — расслабься!»

и я — выдыхаю

цветёт эдельвейс в январе и снег превращается в лёд
дракон в подземелье сопит
и медленно солнце встаёт

МАЙБУТНЄ

видела внутри средостенья колодец, поросший грёзами
из крошечных рос
вместо камней вековых — восковое безвременье, вместо воды —
хвилини хвостатые
то появляются, словно безумная стая стрекоз
то растворяются без извиненья
кругом вереница з літер московських
майбутнє слагая из мира худого и доброй войны

танец мышей в горловине огня — палочкой с ваткой угли ворошу
достаю до седьмого колена
пытаюсь обнажённое тёплое тело
в детский бумажный кусочек слегка обернуть
как оберег защищает запястье — слово с живою водою найти
и повесить на счастье
чтобы однажды пропали причины для лжи
как у ребёнка случается дождик вернуть

пан малодобрый уже наточил свои острые зубья
маслом блестят его жуткие клещи
сыт он в колодец и глаз его ищет по описанию жертву
это просто работа его
а самолёты взлетают, случается видеть рождение облака —
дрожит его хрупкое тельце
будто нет у начала конца, будто мы навсегда, будто нет палача
и колодца того

ИМЯ

имя — мыло
в горле — дольня
ледяная колокольня
будто подавилась я

и достали до грудины
перезвоны переливы
льдины словно херувимы
заискрились

имя брякало стаккато
и мурлыкало легато
и горбатое заводило
и раскатисто

зажимала зубы — зубья
леденели губы — угли
и белело от испуга
сердце-пьяница

ПРОПОРЦИЯ

эти чувства такие длинные, как сантиметр
(так мама называла ленту с сантиметровой шкалой
которой измеряют тело или ткань)
и даже длиннее, никогда не знаю, где закончится путешествие
настоящая литература должна быть в конце каждой ниточки
словно рыбина с глазами, полными мольбы о пощаде
ничего сильнее доверия к этому я никогда не хотела
быть свидетелем правды, неразрывным с «быть»
как отражение с зеркалом —
невозможная утопия, ускользающая змеем в небо

уязвимость-уязвлённость, как сёстры-близняшки
которым не дают вкусняшку
а они продолжают ждать, артикулируя свою нужду
словно работающая дрель
часто вспоминаю одно старомодное слово
которое очень люблю — «благородство»
есть в нём щепотка чести и честности, щепотка щедрости
щепотка уважения и слова
которые когда-то сами приклеились — «право на ошибку»
без снисхождения, а на равных, так
чтобы чувствовать особенности друг друга
иногда те, которые не близки совсем, но не зажимать
пространство словами
«так быть не должно», «давай меняйся быстрее»
«я хочу выбрать другие опции»
просто позволить другому быть таким, каким ему хочется «быть»
принять без условий
со всем хозяйством — с тракторами, газонокосилками
триммерами, молотками и тишиной

мне всегда сложно именно с тишиной, сложно ждать, тороплюсь
так быстро бегу, что не замечаю автобусные остановки, пение
птиц, кажется, что время такое живое, что его всё меньше
что могу умереть прямо сейчас, что может начаться война
и мир превратится
в комок чёрного света без продолжения
будто пространство стремительно выгорает
превращая всё в прошлое — в соляные столбы, и я кричу себе —
не оборачивайся, там уже ничего нет, никого нет — пусто

эти длинные-длинные чувства, как синие волны
в которых хочется лежать, как в вечности
покачиваясь и растворяясь
вдруг вместо моря возникает каменная стена, мгновенно
каменная стена с шипованными воротами, и я знаю
что за ними боль — моток проволоки
который тянется из детства и обвивает всё на своём пути

принять эту боль как собственное будущее, позволить ей быть
заранее согласиться на мясорубку или отойти и оставить
всё как есть, не прикасаясь
самое тяжёлое — принять ложь как реальность, как постоянно
меняющееся пространство с уникальным фасадом
для каждого в конкретный момент времени
или проще сказать — отречься от истинности, не требовать
правды, не ждать благородства, потому как отсутствие одного
никогда не являлось препятствием для влюблённого

Что привело меня к тебе? —
я шла за голосом
ты подарила мне в ответ
морские волосы

и вынула из глубины
своё дыхание —
«Пиши, пиши!» — как гул во мне
и колыхание

с тех пор укушена твоим
морским знамением —
исписана до чёрных дыр
тетрадь со временем

и мало мне твоих волос
я — твой утопленник
земля — коробка, свет — донос
а море — подлинник

в пасти зверя флуеры бузинные
пальцами удерживала отверстия
от того, что подобно времени
без названия проходит в сны
но от имени ходуном ходит
будто перрон, а не кости с хрящами
а ты говоришь

запретные слова на привязи
только вспомню — появляется
притягивает поводок к себе
словно к Риму, дороги каменные
в плену пыльном не узнать себя
замолчу — в ответ замолчит
а ты говоришь

медленная, говорю, река твоя
не видно течения, будто стоймя
прыгаю от нетерпения, бегу вдоль
говорю — не устанет язык мой
цвета синего плат-омофор
вместо железа слова обожжённые
а ты говоришь

представь, что нет снова ничего. нет квадратного восприятия
знаки вернулись к обрыву смысла. то, что падало твёрдым
не звучит. острое напоминание ушло сквозь время
безопасность сна раскрыла себя

не может пошевелить языком, не может увидеть и стоять
но длится. тонкими поплавками. опережая свет. представь
что падать некуда. ладони страха пробиты

представь меня движением. когда восстановится освещённость
гром выместит воду. стань им
пока кружится ночь, пока рвётся день

если я затихла — ищущий способ звучать —
не ставь меня в прошлое, не думай, что я не с тобой
если я вдали — ищущий способ быть ближе —
меняю время, как запрещённую валюту из-под полы —
настоящее на будущее — приближаю себя к новому тебе
пока горе идёт по нам, как по полю метель
разжимает клещами жизнь, словно ржавые ворота
пусть мир стоит открытым в этот момент — словами наружу
все долги отдаю тебе — не страшно остаться пустым

на твоё спасение я пустила все свои войска
гаубицы нежности, разрывные прикосновения
прозрачные бойцы снов, обмотанные объятиями жара
бэтээры воспоминаний с включёнными фарами речи
подлодки мечтаний, выстреливающие багровыми пятнами красоты
позывные мышц, пульсирующие в чувственной битве ночи
подняла в небо все свои истребители принятия
и беспилотники надежды
спалила пво страдания от собственной беспомощности
взорвала мосты на подступах к страху и ненависти
успела даже нажать красную кнопку руки и сердца
перед тем как ракета, сделанная в городе, где я родилась
снесла твоё электричество вместе с интернетом

я уже перестала считать, какой это день
перестала скроллить ленту и читать новости
перестала жить под завалами внутри трупов
перестала слышать плач малюток и видеть могилы матерей
я больше не вмещаю в себя смерть и жестокость
даже если хочу в себя засунуть очередную ракету
она не влезает в моё сердце, в мой ум, в мою память
я перестала вмещать логику и агонию собственного конца
я досыта полна разрушением — до самого горизонта
все мои поры и отверстия — это язвы мёртвого поля
из которых торчит горькая майская мать-и-мачеха
я превратила себя в контейнер милосердия к земле
никаких боевых дедов, никаких медалей и орденов
никакого боевого будущего, никакого насилия
никакого смертельного героизма, никакого стыда —
во мне больше нет ничего, что я могла бы почувствовать
не сломав себе ребро
кроме тебя, любимая

любимая

мечтаю, как мы сможем встретиться на Босфоре
или всё равно где, и кормить чаек из рук
пить подсоленный кофе, сваренный на горячем песке,
под доносящийся издалека голос муллы
писать в бутылку послание на русском какому-нибудь транс-моряку
из транс-будущего

(вчера узнала, что на бейсболке, которую я ношу, написано
«ВМС США»)

рисовать карту звёздного неба по нашим родинкам,
словно это форма для выпечки дома
слушать тишину и дыхание друг друга —
интересно, мы совпадаем по ритму
или я дышу быстрее, и мы будем совпадать, к примеру,
раз в полчаса, а потом опять уходить на свои орбиты

иногда мне кажется, что пишу заключённому
в колонию строгого режима со свиданкой раз в год
чтобы он не забыл, что где-то есть женщина, голова которой
живёт на чемодане и у которой иногда болят почки, например,
как сегодня, и день превращается в квест по выживанию
(вчера по глупости съела бараний бульон)
которая улыбается, как поехавшая, при мысли
о колючей проволоке и решётке на небе
всё моё женское — словно головка цветущего одуванчика
смотрит на меня во всю свою пыльцу
словно я задолжала кому-то капитуляцию побега от самой себя
и теперь настал момент расплаты
совсем нескладное настоящее, правда?
нескладное, как это стихотворение, как моё дыхание

я в каком-то ужасе от того, что есть страны и границы
что есть слово «война» и слово «смерть»
что я стою посреди этих слов, как рвота, и пытаюсь представить
себя шахматным слоном и обмануть вражескую королеву
напиши мне всего два слова, больше не нужно
чтобы я ушла с чёрно-белого поля
и встала между твоими словами, как между матерью и отцом
чтобы мне не нужно было выбирать между женским платьем
и мужским лосьоном после бритья с ароматом свежего утра
не хочу ничему соответствовать, никаким ожиданиям
хочу чувствовать твои руки, а не клавиши ноута
если есть милость, то пусть свободы будет чуточку больше
и ты сможешь выйти по удо

что так безумно в образе твоём
что склеивает части в единенье?
как буквы «и» и «е» быт дополняют
так речь становится простором
для птиц в груди разгорячённой
молчанье же как мягкий знак
пред зеркалом стоит, повелевая *быть*
и нет вместилища иного, чем желание
быть высказанным небу и земле

пока ночь тянется синим ртом к масляным векам
чтобы опустить меня в мир, который я не запомню
пусть весь свет, летящий в мрак между ушей
будет словами любимой, помещёнными в тело моё
набухшее временем, словно брюшко комарика кровью
и пусть глаголов будет больше прилагательных
а гласных — несравнимо больше соединённых губ
словно дыхание её запоёт во мне на языке далёких птиц
плывущих по жидкому супу быстрого осеннего неба
и я засну, улыбаясь

доверие подобно тому
как воины вкладывают свои мечи в ножны друг друга
берут свою уязвимость, свой страх
своё беспокойство и тревожность
и делятся друг с другом, говорят: «я уязвим, я вот такой
без руки, без ноги, без глаза
мне сложно, трудно, невыносимо, не могу говорить
боюсь своего тела»
и другой берёт чужой острый, ранящий меч как свой
как символ открытости
и вкладывает в себя знание о том
что доверие сильнее уязвимости
что защита — это не условное дребезжание мышцами
на виду у мира
скорее, это приглашение к обмену
будто ты на самом деле говоришь мне:
«доставай-ка тоже свой меч, поделись со мной его острым языком
мои ножны открыты для тебя, как и моё сердце и моя рука!»
защита в знании, что у тебя есть такая возможность —
довериться мне
и я никогда не смогу принять это за несовершенство
или за слабость
никогда не унижу тебя своим невежеством или непониманием
как не смогу унижить тебя своей заботой или любовью
пусть бы она и выглядела как простой перевод денег
или несколько слов

АВГУСТОВСКИЕ ЛЮБОВНИЦЫ

*я — лишь взгляд камня на дне шуришащего имени,
железо ржаное с кожи отца,
рога маминых каблуков,
бегущих в прошлое, словно лёд вспять*

не говори моей наготой, жир — это время,
но когда я ложусь в кровать и вижу тебя,
тридцать лет слетают с меня, словно хвоя в утробе леса,
и я снова девочка с прозрачным вереском на руках.
как смотреть в китовые твои пустыни, что ни увижу —
всё колко, боком, клоками дня, щучьими всплесками ночи.
прости, без умолку дёргаю било по губам, — ходуном талия,
а всё — дурное, каменно-оркестровое — мычащая в землю ночь,
торчащая алыча вместо плеча, болты смерти —
вместо росы на дёснах

не плачь, идёт то, о чём говорить не надо, но это не так страшно
как быть камнем и смотреть только наверх, ждать поворота набок
и даже это не страшно, если есть дом, и слышится дождь,
и сон дотягивается до сжатой руки, и пятнистый олень
не убегает и смотрит елейно.

пока гремит дочь войны черепами живых,
мёртвые падают от усталости,
не зная, где низ, а где верх, где звуки, а где тишина,
только рты их раскрыты, как ров —
беспокойные, журчащие молитвами,
слова которых страшны и бесстрашны, как петля.
и ждут их острова Зелёного Мыса, морна, фаду,
модинья и щемящая «Sodade» —

«Если ты напишешь мне/я напишу тебе/Если ты забудешь
меня/я забуду тебя/до того дня/когда ты вернёшься»

обеим не спится, сидят за столом, новости разбегаются
по тг-каналам.

ещё лето, но пахнет первым снегом из открытых окон
и звёзд ожерелья не видно

за потолком горбатого августа. что такое любовь? —
зефир уносит их молчание

на жилистых спинах деревьев, бросая цветы на город.
что такое любовь? —

вопрошает бессонница, выворачивая пустоту,
словно тело дельфина,

который минуту назад касался любимой, а теперь вынужден лежать
в чужом уме и перебирать пластинки из прошлого века,
чтобы наконец-то заснуть

иногда сама не понимаю, где предел страсти, куда упаду сегодня,
назвать чувственность раной, вскрытым грунтом, ждущим
вторжения дрожи, словно можно кончить не от насилия,
а от трепета, как ребёнок

стыдно ли проваливаться в мычащие впадины языка, ходить
голой с деловыми депешами от забвения до любовной хватки
объекта желания скулами, словно кошка, которая не хочет делить
внимание любимой с какими бы то ни было словами

никогда прежде не желала молчания, как блага, как весеннее
поле желает впитать в себя весь снег и выхрипеть зеленью,
если и можно навечно лежать в объятиях любимой,
то только так — не терзая тяжёлые ставни окончаний

жертва ли во мне желает видеть лишь её одну, смотреть на неё,
как мир всматривается в меня непрерывно, будто ласкающие
движения глаз доводят возбуждение ума до обрыва,
и мысли, как быки у Войнаровича, падают в бездну со всей
оглушающей дури, но финала не видно

не узнаёшь во мне каменный остов
названный в честь твоего голого имени
гладкую тишь вывернутого кармана
(даже тело поднесено — танцуй же!)

превращаешь мысли мои в следаков
чтобы выжгли они все лайки и сердечки
поставленные не тебе
все улыбки, коллапсирующие в чужие черепа
вернули во влажный колодец горла
как воинов возвращают домой без ног и рук

Господи, господи
построй между нами

доверие доверие доверие доверие
верие доверие доверие доверие до
доверие доверие доверие доверие до
верие доверие доверие доверие до
доверие доверие доверие доверие до
верие доверие доверие доверие до
доверие доверие доверие доверие доверие

и пусть во всех буквах этой стены дрожит ток
а на языках наших — пылает огонь взаимности
никаких других молитв не знаю
и знать не умею

ПЕСЕНКА ТРУБАДУРА

у меня есть маленькая жена. я прячу её в маленький карман.
а ещё я прячу стыд и страх, сворачивая их в текст. прячу себя
в этот текст. закладка меня в стихах. прячу весь свет в слова
и мирно живу ещё

прячу всё, как куркуль, и стерегу своё. на краешке текста
я как на кровати сплю. и ты в этот текст идёшь вместе со всем,
что есть, и чашки гремят вослед и солнце садится в грудь

я прячу себя для кого, есть ли спасение в том или больна
чернотой моя неуёмная плоть. суровая серая ложь и белый
окурок вранья садятся на плечи мои, пока я словами давлюсь

рага о тёплых воспоминаниях
вьётся дымком щиплым, кружась и волнуясь
корнеплоды нежности, сложные и полые, как мосты над Темзой
ты стоишь, закрывая ладонями комнату
такая красивая
такая красивая
такая красивая
самая лучшая
самая лучшая
самая лучшая
тьма на свете

если я буду сравнивать тебя с чем-то
подбирать дыхание поплотнее
чтобы выдавить капельку
алюминиевой красоты
почувствовать облегчение
то пусть ты будешь сохранённой
эсэмэской в допотопном сони эриксон
от мобильного оператора
«Этот абонент звонил вам 5 раз»
прежде чем умереть на полу

с балкона лезут тени ламантинов
их вымыло на воздух нежеланный
дождь затяжной и шевелится море
щекастое ушастое большое
смотри, любимая, как страшно
умирает
ливень
по капле
так и мы с тобою
оставим эту влажную утробу
и вылезем на том конце вселенной
чумазыми лохматыми ветрами
заранее прости меня за холод
и поцелуй с пустотою нежной

СТРАШНЕЕ СМЕРТИ

однажды она сказала мне:
знаешь, я боюсь, что я всё-таки не выживу, и добавила
мне страшно, если после моей смерти родные найдут его
при разборе моих вещей
я очень тебя прошу, давай его выкинем

речь шла о силиконовом straponе малинового цвета
который она когда-то купила для нас, но он что-то
совсем не подошёл

я ответила, конечно, давай, и сделала вид, что меня в этот момент
интересует совершенно другое, а сама подумала — надо же
страх быть униженной (даже посмертно) может быть страшнее
самой смерти

в конце концов, она завернула его в пакетик
словно трупик котёнка
и вынесла в контейнер рядом с домом

БЛЮЗ

мне нравятся фотки, где я до войны
а ещё лучше до смерти мамы и отца
а ещё лучше до того, как я рассталась со своей первой девушкой
когда я умела веселиться и шутить без печали
и мне так шли банданы

помнишь меня такой, моя первая девушка?
помнишь, как мы занимались любовью первый раз и я жутко
перепугалась, увидев на пальцах кровь, оказалось — месячные
помнишь, как я оставила своё серебряное кольцо со скарабеем
на той башне — в зарок ветру никогда не присваивать тебя

а как мы стащили из пасти Гаврюши
желание шестилетнего мальчугана стать человеком-пауком
или как у меня увели мою любимую шляпу, расшитую бусинами
деда, и ты пошла в ментовку на Ваське разбираться
а как я пела Летова и Васильева в Трубе на покоцанной трембите
и у меня ныли и грубели пальцы
или как мы всю ночь разбирали в каком-то из дворцов
на набережной Невы агитлистовки Партии пенсионеров
чтобы ранним утром проесть выручку в Макдаке
я даже помню их эмблему с сердечком))

никогда не забуду ту майскую зелень в 4 утра, когда я вставала
на свою первую работу по специальности, а ты ждала меня домой
мне платили пять с половиной косарей, и почти всё уходило
на кишку возле канала Грибоедова, в которой мы жили
на полосатом матрасе
у меня до сих пор в доме предков стоит твоя фотка с того мая

а помнишь мой первый сон ясности после пховы
на Финском заливе, от которого меня носило две недели
как я взахлёб читала в подземке путеводитель по жизни
и смерти в переводе БГ
а как мы поссорились из-за дурацкой драцены
и ты сказала мне, что любишь скульптора, а у нас давно всё не ок

это старый блюз, навеянный старой фоткой
когда я была юной и влюблённой
столько лет прошло, полжизни, а я до сих пор помню твою
крошечную родинку в тайном месте
и наручники в розовом боа, которые ты подарила мне на др
в коробке из-под торта, как немного заедал их замок
знаешь, иногда надо писать об этом
потому что если не писать, то будет казаться
что ничего и не было никогда

II

ЧЁРНЫЙ КУНЖУТ МЫШЛЕНИЯ

ЧЁРНЫЙ КУНЖУТ МЫШЛЕНИЯ

1

тянется вниз к ядру
через камни, сухожилия корней и суглинок
фразами редуцированными
оправдывая существование речи
этот день

над сном насмехается
переступая рук невесомость
как в храм каменный
босиком заходит в рот
эта ночь

2

размножаются вывихи слов
заполняют собой нетерпеливый рот
ракушками гремят внутри
словно победил кто кого

и валится план мой не прикасаться к миру
словно ворсинки пепла от сгоревшего каната
что висел в школьном спортзале
по которому я никогда не могла забраться наверх
разлетаются на осеннем ветру

3

на длинной дистанции
язык расширяется
стайеры слов
словно горящие угли

бесстрашно ввинчены
в плечи гор

благодаря
пластичности времени
и упругости мысли
завершение непостоянно
иными словами
невозможно помыслить
конечность

4

трутся макушки волн о поверхность света
дребезжит безумная пчела несоответствий
память — словно хрящ в отцовской тарелке
и такие разные пальцы у отца и матери
как буквы гласные и согласные
держат моё звучание за горло

5

доверие похоже на деревянную дверь
страшно, но всё равно открываешь
входишь на тяжёлых ногах
тихо-тихо щупаешь руками воздух
словно играешь в холодно-горячо
клюв вместо носа и рта из лица торчит
как кол зацветший из земли вспоротой

так открываю книгу в твёрдой обложке
затем книгу в мягкой обложке
словно ладони любимой держу в своих ладонях

6

иногда ощущение от своего языка
как от стареющего мира
когда новые люди не так заметны
как те, кого уже знаешь
словно постепенная смена поколений

отделяет настоящее от прошлого тонкой скорлупкой экрана
новые слова кажутся чужой кладкой
в чужой стране для других людей
открыла вчера Эмили Дикинсон и с таким
наслаждением читала, впрочем, как и Уитмена
а это середина 19-го века

иногда я чувствую, что скоро умру
так переполняет меня стареющий язык
достаю опасную бритву из советской стали
срезаю ею загрубевшие нейронные соединения
освобождая место для будущего
а прошлое прорастает снова и снова
каждый раз мне приходится доставать бритву
и повторять процедуру вновь
словно должен произойти перевод мира со старого языка на новый
будто все уже перевели и ждут только меня
а я всё никак не отпущу свою жизнь

УПОР

можно посветить прожектором на луну
и в рупор позвать бога:

свет не упадёт вниз
направление пропустит его вперёд, как беременную
в очереди

звук как бы подпрыгнет
и заглохнет в этом прыжке, поперхнувшись
своей свободой

свободой от памяти

во рту земли плавает жёлтый язык
тяжёлые кости птиц не пускают его

это мать говорит со мной

абсолютно чёрное тело сна
поглощает округ
как солнце
зёрнами взгляда выкрадывая

звенит небо через окно

в измерении без форм
парящий язык разинут
вымолчанным
скольжением
ветра

в измерении огня
ледник подтверждает
освобождение
от корня
забвения

в измерение отсутствия
затянут весь мир
как в колыбельку
ожидания

перед началом
звука-нити
прошивающей
все миры
колебанием времени

прозрачные тюльпаны —
вот! — ответил полк указательных частиц

мысленно — это как?

забираю с почты Эверест

БЛИЗОСТЬ

в глаза
посмотришь
ночи летней

землю для сада
с червями
в лице увидишь

считать дни
гладиолусами
нежно набухшими
на чёрных поверхностях
гидрофобного неба

соловушка поёт
словно игла китайская
которой стягивают
по ночам память
постаревшие дочери
чтобы было
что надеть утром

сизу на веточке своего рассудка
улыбаюсь
нежная косточка торчит из памяти
прямо над ухом
приходит олень с мягкими рогами
говорит что-то важное
не слушаю его
устала от смерти

ПОЛУАВТОМАТИЧЕСКИЕ СТИХИ

1

в туман тянет нежная прослойка окна
дыхание противостоит собиранию в пучок предложений
искрами в животе случается шум города
и живёт подолгу, кушая серебряные лопасти трав
руки обездвижены малярным скотчем размером с осиновый улей
как огонь выходит из жерла сути, так и я выхожу из своего сна
продолжаясь покальванием, попискиванием, постукиванием
незримая фигура, скрученная в танце поворота
вернусь
перекушу забытьё клыком нежно
и мы ещё посмотрим на свои живые лица по-другому

2

между мной левой и мной правой
кислота височных костей
скважина расстояния выходит
алым дозором помимо воли
нечто соединённое с ничто
как части огромных курантов
утюжат взгляд, приставленный к стене
словно из узкой полосы леса
вижу замедление жизни

3

приснились два рака очень живых
они бегали по игрушечному песчаному берегу
и пытались захватить меня своими клешнями
ты как будто была рядом
ты часто как будто рядом

словно камера на кирпичном надсаде
что наблюдает за мной издалека

4

моя политика — это нежность
нежность мозга и того, что упирается в тишину
словно большой ребёнок, которому тесно стало
в сандаликах прошлогодних

5

ночь перестала быть чёрной
рот её, расфигаченный спутниками
похож на сорванную улыбку львицы
застывшую в поцелуе с окном
только реки живы, звучащие между ног

6

яйцо сырое разлилось в голове бескрайними я и о
пальцы не попадают в чёрные червячки гласных
ку-ку ку-ку ку-ку — помалкивает потенциалом сухая клеточка мига
вот здесь и прилягу

7

губы стихотворения
приоткрыты
за мраморными зубами
язык собачий
дрожит

8

время измеримо
благодаря изменению цвета неба
то есть вращению того, что под ногами
того, что неподвижно

КОГДА БЕЗМОЛВИЕ ПРИЗНАЁТСЯ ЦЕННОСТЬЮ

I. *marmor lunensis*¹

способность белых мраморов пропускать свет
на некоторую глубину
не только усиливает снежную белизну мрамора
но и создает иллюзию теплоты человеческого тела
один из лучших мраморов — каррарский
(имеющий сахаровидное строение) —
пропускает свет на глубину до 4 см
эта метаморфическая горная порода
состоит в основном из зёрен кальцита или доломита
и других видов зёрен
связанных между собой без какого-либо
цементирующего вещества
глубокая и безукоризненная белизна мрамора
позволяет сочетать одновременно твёрдость и нежность
оухотворённость и теплоту

II. *primus in lucem*²

и свет восходит от источника и упирается в твердь
протосвет его виден до включения лампы накаливания
как если бы он длился от конца к началу, создавая
слепое множество мгновений
узнаваемое без дополнительного усилия памяти
так познаётся невидимое существующее таяние отсутствия
и проявляется безупречное знание о природе

¹ *Marmor lunensis* — древнеримское название каррарского мрамора, образованное от древнего города Луни, который, в свою очередь, был назван так в честь богини Луны.

² Протосвет (*лат.*)

взаимного притяжения
в поле тождественного, в поле желаемого, в поле условно-отдалённом
на расстоянии одной тысячи трёхсот восемнадцати лет
от источника излучения

III. amor tussisque non celantur¹

проверка языка на герметичность
заканчивается в дождевальной камере нёба
в водонасыщенном состоянии
механическая прочность словосочетаний
понижается незначительно
ровная мелкая зернистая фактура метафоры
хорошая обрабатываемость образа
мягкий блеск шлифованной поверхности произносимого
прекрасно передают плотность и фактуру того
что скрыто в глубине горизонтальных глыб
то есть бога

¹ Любовь и кашель не скроешь (лат.)

ТЕКСТ — ПУСТЫНЯ

идут буквы по белому полю ноута
словно верблюды по пустыне, собираются в караваны слов
знаешь, часто их фоткают сверху с квадрокоптера
и становится понятно, что это верблюды, только по их теням
может, и стихи видны благодаря теням от букв
если смотреть на них сверху, как смотришь ты или я
правда, свет тогда должен идти откуда-то снизу
из преисподней панели задач

чем они питаются, неужели одними колючками
есть ли там возможность попить воды и передохнуть
мёрзнут ли они по ночам, как марокканские туристы
или они уже настолько привыкли к пустыне
что для них путь стал простой рутинной

один караван слов от другого отличаю по чёрным кудряшкам
и жожаку, что замыкает длинную линию теней
мысленно говорю ему — ну привет, как там на той стороне бархана
всё так же печёт? как твой хозяин, не обижает тебя?
улыбаемся друг другу, жуём каждый своё и смотрим вдаль

я почти всегда без очков, постоянно щурюсь
то ли от яркого света, то ли от песка, летящего прямо в лицо
кутаю голову арафаткой, в жару она спасает от солнца
продувается ветром и впитывает пот, очень удобно
становлюсь похожа на душмана, но что поделать
как говаривал мой батяня — селяви

с мехаристами — погонщиками верблюдов
ухо надо держать остро — могут заговорить враг

хоть поболтать люблю, но время в пустыне может исчезать
так же незаметно
как исчезает тёмный цвет волос на голове
глядишь — солнце уже закатилось, верблюды спят возле костра
а ночная чернота расширяет пространство до млечной спины
так называют здесь млечный путь — спина
видимо, недостаток тепла говорит языком тела
мужская, женская ли или так не принято о небесах, непонятно

знаешь, в центре млечной спины есть чёрная дыра Стрелец А
и у неё тоже есть тень, которую наблюдают учёные
я всё думаю, а каково это наблюдать тень от огненного пончика
как она может выглядеть
ведь чтобы отбросить тень, нужно для начала признаться в том
что ты есть
а уж потом найти источник света
и обе задачи нетривиальные

Стрелец А довольно беспокойная дыра, её сложно сфоткать
с земли, как верблюда
можно сказать, она похожа на котёнка, который постоянно вертится
мне близко такое непроявленное беспокойство
особенно когда смотрю сверху на караваны слов
что тянутся за экран своими двугорбыми спинами
перевозя собственные имена и чужие предположения
пока экран не погаснет и они не улягутся где-то
посреди остывающего мироздания
чтобы утром снова отправиться в путь

III

ОБРАТНЫЙ ПОРЯДОК ТЕЛА

ОБРАТНЫЙ ПОРЯДОК ТЕЛА

я ни разу не видела маму голой
даже в морге её тело было одето в блузку
но я помню её кисловатый запах
так пахли яблоки богатыря и антоновки
что росли на нашей даче под Тулой
я носом утыкалась в то место, откуда торчала плодоножка
и медленно-медленно втягивала тёплый мёд
здесь начиналось чужое женское тело

странно осознавать, что тело чужое было когда-то моим домом
что я преемница чужой плоти и чужой культуры
что можно присвоить себе этот мир без единого усилия
будто вдыхая, так же естественно
но даже моё выращенное из маминого тела
я не могу опознать как родное
словно я до сих пор плод, который ждёт своего рождения
и тело, в котором я нахожусь, просто временной континуум

иногда такая отчуждённость переходит в режим ожидания
и я говорю про своё тело — я
кормлю себя, мастурбирую, мою, брею триммером
двигаюсь в пространстве
но любую попытку коммуникации со мной как с телом
воспринимаю как обман
не знаю, как пере придумать свой язык так, чтобы проснуться
туловищем с головой, руками и ногами
а не пустым пространством сияющим, в котором возникают
и исчезают ощущения, образы и слова
не уверена, что религия телесности или религия идентичности
это то, что нужно

обычно взаимодействие с материей
в которой находишься, называют жизнью
так и оставим, а когда придёт смерть, нужен ли ей будет мой язык

РОДЫ

роженица — почти как пшеница, кобылица, и не верится
беременная — почти как брeнная, как буреломная, как бревно
свежее, роды — почти что рады или дыра обратная
или выдра чёрная

я родилась семимесячным манным комом отчётливым
торопилась, топорщилась
тугою пуповиною, кто со мною, — спросила я
кто со мною хочет стать
воздухом, пухом, продыхом, жизнью длинною
и видела я, что ничего

не двигается, не желает, что потолок и пол пришли ко мне на пир
рождения, чтомышь сознания одна живая, и жить мне с ней всегда
в одно и то же время, и умирать на полстраницы текста, и потолок
и пол бледнеют страшно жадно, и никуда от этой белизны не деться
всё сокращаю собственную правду, от крика первого всё не могу
отмыться, от тела костного всё не могу остаться, и даже не могу
представить гвоздь в ладони, хотя недавно обожглась
кипящим супом, и
представляете — ожога не случилось — возможно, просто не успела
испугаться моя слепая мягенькаямышь

ВИШЕНКА

я не знаю, что такое настоящее стихотворение
мне хотелось, чтобы среди говна и палок было
хоть одно светлое пятно
мне хотелось украсить смуту вещей и хлам моей жизни
порядком
мёртвые тексты, которые остывают через день
и мне неприятно их читать
это всё — неправда
я пыталась вообразить собственную смерть
но кроме депрессивного настроения и удушья не было ничего
я ненавижу ложиться в гроб
в эту грёбаную фантазию из фанеры и бессмысленных ангелов
я не желаю никакого обмана, самообмана, вишенки, хуишенки
меня мутит от желания приукрасить суть своего убогого мира

я не знаю, в чём цель написания стихотворения
я уже утонула в Оби, разбилась на жигулях
разрезала свой труп, вынула внутренности
и вот я сижу и ем пельмени и запиваю чёрным чаем
я не буду вам интересна
у меня в трусах прокладка, полная крови и чёрно-красных сгустков
вот это моя вишенка на сегодня
и я подыхаю от этого стихотворения
выхожу на балкон, курю, курю, курю
мне постоянно пишут и звонят, и я не хочу этого

мне нравится просто лежать и читать чужие некрасивые стихи
такие же неинтересные, скучные и убогие, как и я
такие же полные, как я, такие же потные, как я
у них невымытые волосы и обгрызанные ногти

это мои ангелочки-цветочки, и это мой дом
тексты, которые расскажут правду обо мне
я не уверена, что ритмизованный текст — это зло
нет, это чудо
я плачу от таких текстов, в этот самый момент
я — Ник Вуйчич, только без языка и с пятью глазами
и бог шелестит усиками возле меня

я не уверена, что я знаю, что такое поэзия
может, это гора посуды в раковине
может, это головная боль, рассекающая меня
может, это одиночество, которое я люблю
больше, чем домашнее партнёрство и секс
который я никогда не ощущала как что-то настоящее
как ваш бутафорский гроб
даже когда я хотела, я быстро переставала хотеть
словно это ловушка или сон
или огромная ледяная рыба
которой брякают на стол перед собой
это не для того, чтобы вы узнали про меня
здесь нет новостей
я просто хочу заполнить это белое поле
тем, что есть, а не тем, чего нет и быть не может

мой отец говорил: член должен быть толстым,
чтобы входил в гранёный стакан впритык
об этом я узнала от своей двоюродной сестры после его смерти

самая стыдная мысль — рассмотреть твои зубы
найти медовый запах донника и краешек персиковой десны

вчера я впервые увидела фото ftm-персоны без сосков
вообще без сосков, как чёрное небо без звёзд
я и не знала, что грудь может быть такой немой

если бы я отрезала свои соски, засушила их, как гвоздики,
ты бы хранила их в мешочке у сердца?

ВЫШИВАНКА

слова подберу по цвету революции — алые-алые
крестиком обовью твою грудь: «Квиру — мир!»
вертикальными полосочками до ложбинки у горла
тоненькими ленточками влаги на запястьях
и яркими маками засосов ниже подмышек

побрила седые виски
побрила седой лобок
открыла глаза
смотрю, а вокруг нет
лобок пока не седой
и ты неживой пока
и встретимся не сейчас
и горы стоят вперёд
и стены смотрят на юг
и сны умирают вверх
и хорошо кулак

ПЛАНЕТА 2

твоя плоть подобна антенне
ты вытягиваешь её и сообщаемь мне о войне
постоянно сообщаемь мне о войне
как падала мука на город вместо яда
как ночью танк выезжал из-за горы, выключал фары
возвращался, включал и снова выезжал
чтобы создать видимость войска
как твой отец остался там навсегда
как ты хочешь, чтобы всё повторилось
и ты смог бы защищать свою землю сам

ты рождён в девяносто втором
во сне ты стонешь и подрагиваешь головой
шепчу тебе Арцах, Арцах
яздешь, яздешь

на вкус ты металлически кислый
как советская квадратная батарейка *планета 2*
застал ли ты такие
дотрагиваюсь языком до её стальных лепестков
и чувствую жжение
хочется вылизывать тебя всего, как новорождённого котёнка
жив ли ты сейчас

я научилась молоть кофе в почти невесомую взвесь как ты любишь
обзавелась маленькими чашечками цвета пурпурного кадмия
и ультрамарина
скачала армянские колыбельные и слушаю перед сном
словно это молитвы за тебя, любимый

помнишь свои майки-алкоголички
такие были у моего отца, когда я была маленькой
триггер всего животного и родного
с тех пор я люблю боль так же, как и ты
и меня возбуждает насилие

в свою звериную клетку поставила Petrof и вечерами
разучиваю Бетховена
это меня успокаивает
стала чаще улыбаться и реже видеть во сне маму
а тебя не вижу совсем, забыла твоё лицо
помню только пальцы, как у пианиста, ровные, худые
и твёрдые, словно неизбежность
ты с силой ими сжимаешь мой клитор, как вепря
и держишь неподвижно
пока я не взорвусь и не разнесу на куски весь северо-запад Москвы
словно огромная противотанковая мина

когда впервые увидела тебя, пахло оттаявшей землёй
мы стояли на светофоре на Волгоградке с опущенными стёклами
и улыбались друг другу, словно давно знакомые люди
в прокат запускали Джармуша: выживут только любовники
а в Бостоне на марафоне прогремели два взрыва
3 человека погибли, 183 человека ранены

Помнишь, Владька рассказывал о своей поездке в Корею?
там на совершеннолетие девочкам принято дарить пластику
успеха в карьере и жизни не будет, если ты не разрежешь глаза
и не сделаешь красивое тело
я сразу же вспомнила о своей сестре
неделю назад она распахнула халат и сказала — смотри!
на груди на золотой цепочке блестела иконка богоматери
и на секунду я подумала, может, она собралась в монастырь
оказалось, она сделала себе грудь мечты

а я хочу свою грудь отрезать

сегодня под утро мне приснилась белая лошадь
в серых акварельных разводах
она заговорила со мной по-человечьи
я поняла её и взяла к себе навсегда
как кошечку или собачку

перед тем, как проснуться, я запомнила её слова:
твоя вагина совершенна, твоя грудь совершенна
твои ноги совершенны, твои мысли совершенны
ты — будущий труп

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

когда она стригла отцу ногти на ногах
большими изогнутыми ножницами
он сказал: «Что ты, в гроб что ли меня кладёшь?»

ногти были похожи на сухие твердые стебли
торчащие из снега

МОЛЧАЛИВЫЕ АРХИВЫ ИСТОРИИ

я часто гуляю в Филёвском парке

согласно легенде, именно здесь 14-летний Михаил Лермонтов
влюбившись в девочку и не найдя взаимности, воскликнул:
«И черт меня угораздил родиться в этой России!»
некоторые деревья должны помнить Москву, спалённую пожаром
некоторые — оборону осени 1941-го

молчаливые архивы истории

когда несколько лет назад в Москве был ураган, парк
особенно пострадал
толстые сосны и тополя были вырваны ветром, как сорняк
из песчаного грунта
они ещё долго лежали корнями наружу
словно вскрытые патологоанатомом тела
то, что обычно скрыто от глаз, стало беззащитно оголено
словно детородные органы

они многое повидали, многое пережили, а вот тебе раз —
простой ураган — и больше нет архива
говорят, ураганы участились и стали сильнее
из-за глобального потепления

лес хранит не только пережившее время, но и кости неприкаянных

рядом, под Тулой, — Тесницкий лес, где лежат кости
безвинно расстрелянных в 1937–38 годах
органы госбезопасности до сих пор не рассекречивают
точные границы захоронения

работники тульского Мемориала догадались о них по трубе
которую запроектировали вдоль них

а лес помнит, тихо-тихо молится своим скрипучим голосом

иногда мне кажется, что это я лежу там без роду и племени
шепчу тебе из-под земли свою тихую песню о любви и смерти
чтобы ты посмотрела на мои оголённые корни
погладила ладонью лопнувшую кору
запомнила мой шелест
и никогда не боялась леса

IV

ТОЛЬКО
НЕ ЖЕЛЕЗНЫМ ПРЕДМЕТОМ

ТОЛЬКО НЕ ЖЕЛЕЗНЫМ ПРЕДМЕТОМ

Наталья Юрьевна Петухова, 19 лет. убита 4 октября 1993 года
на теле множественные огнестрельные ранения и побои:
в ногу, четыре — в грудь пулями, состоящими из трех оболочек
в затылок с кольцевым ожогом, на лице и теле ссадины и синяки
зубы выбиты

записка из морга, прикрепленная к голове:
«Доставлена женщина 45 лет, седая, в синем комбинезоне
и коричневых сапогах»
на опознание пришел отец, не узнал

увидела её на выцветшей грязной фотке на стенде возле Белого дома
она висела там обречённо и молчаливо
и каждую осень в ночь с 3 на 4 октября она вылезала из стенда
надевала альпинистскую обвязку и проносила
в заблокированный и обесточенный Белый дом
свечи, медикаменты и консервы
а потом она стала висеть во мне
её тело, измученное, беззубое, сгнившее
съеденное червями тело, с седыми волосами навечно
с простреленной голой грудью и чёрными ногами
это бедное тело вошло в мою голову, как к себе домой
оно стало текстом, который спокойно прокручивается
во мне снова и снова
будто написан для меня нынешней, чтобы я не смогла подумать
что такого не может быть
чтобы я была готова, что такое может случиться с каждой

вылизывает родина-рысь
женщин
яблоневых
пожилых
в платках посадских
ранах ножевых
с отливами пурпурными
на плечах
наматывая на кулак
родную речь

я — жирный кот Виктор
я — безымянный иностранный агент
я — женщина, убитая арматурой
я — всё, что поперано, унижено и убито
каждая новость об этом
каждая картинка, каждое слово
это я стою во всю френд-ленту
и примеряю чужое горе на себя
как колготки, натягиваю на голову
выхожу из дома, будто на смерть
сживаюсь с насилием
засыпаю с мыслями о насилии
я маленький, маленький, маленький
по воскресеньям, когда верующие уходят на службу
я иду к таким же маленьким, маленьким
мы достаём свои смартфоны
и начинаем читать про опыт страдания
почти каждый плачет и не может спокойно произносить текст
мы слушаем друг друга, как исповедь
а потом курим внизу, улыбаемся
и расходимся на неделю
добавляя друг друга в друзья
чтобы ставить сердечки
чтобы лайкать картинки
чтобы комментировать общие фотки
не так, как обычно, а по-особому
будто говорим друг другу —
подожди, давай я прочитаю за тебя
если больно

СЕРОЕ УТРО

мне нравится улыбаться
я всё превращаю в улыбку
она сама выпячивает из меня
своими драными коленками
словно любовница из-под одеяла
не могу спрятать

ненавижу убираться
это так уничтожает
хочу, как Мэгги Нельсон
менять засранные квартиры
на новые чистенькие
но при мысли, что мне нужно
упаковать тонны книг
опускаются руки — и иду мыть чашку

мир так равнодушен по утрам
серый свет, мысли тоже серые
курю на балконе несколько сигарет за раз
недавно зачем-то рассказала одному мужику
как первый раз исповедалась
это было недалеко от Петровки
в мужском монастыре, на который я случайно набрела
и он был открыт
это было очень давно
я сказала бабушке, что люблю женщину
он был абсолютно равнодушным
как серое утро
это была своего рода патриархальная индульгенция —

ну и люби, мне всё равно — сказала борода
(какого хрена я попёрлась туда)

если этим серым утром суждено умереть —
я не собираюсь каяться
жаль только книги —
не хочу, чтобы их выставили на помойку

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ НЕ МОГЛА ПРОИЗОЙТИ СО МНОЙ

Табрис

моя подруга лечит птиц
она перепостила у себя в ленте скрин из телеги
с местом и временем митинга в поддержку Навального в Туле
и подписала:

«Призываю к кормлению голубей завтра
требую уничтожения прогорклого пшена
и свободу птицам России.
И никакого чёрного хлеба чтоб!
Достали уже с ним»

её вызвали местные эшники к себе на беседу
спрашивали о политических взглядах
шьют штраф по доносу местного бандита
который мучает птиц и с которым она воюет

она позвонила мне сегодня утром
сказала, что не сдастся
что её не напугать
что мы живём в свободной стране
что политические взгляды, как и сексуальные предпочтения
или религиозные убеждения, — это личное дело каждого

поговорим не по телефону, — услышала она в ответ

ЧЁРНЫЙ ВОЛК

и смех его был как кипяток

Рубен Дарио

во Львове зима

облака-колдуны
тянут с Карпат
то самогон, то манку

тело старого города
как броненосец
покрыто костным панцирем
роговых пластин
блестящих от влажности

на углу ратуши Диана
на юго-восток
в яблоневую степь
смотрит сквозь время

мирная смена власти
мирная смена
мирная —
предчувствуя тетивы стон
слова не находят покоя

чёрный волк сон её бдит
лижет дрожащую руку
будто кровяную колбаску
от обжорства куснуть не в силах

содрал шкуру с Марсия —
получи в подарок
новую мелодию надутых щёк
чёрного волка
получи в подарок
стальной клык в свой кадык

«Взяв — отдай сполна!»

но на каждого несчастного
найдётся свой Франциск, —
волк будет прощён

время в ладонях дрожит

тому, кто в зеркало глядит и проклинаяет
что ещё жив и молоко во рту
а не кровь, а не кровь

чужая смерть подмаргивает
и прилетает чужой господь
чужой господь

ни руки наложить, ни пластырь
он не даёт — стоит колом
на самом дне, на самом дне

и зубы красные, как паспорт
стучат, стучат со всех сторон
по всей земле

голодная ночь, привет
где-то дрожат стёкла в окнах
заклеенные скотчем
и я знаю, где
все знают, где

разлетаются по домам
застревают в лицах
как мои сбритые короткие
волоски с височных частей
всё в этом придурочном
дрожании

трение земли о небо
жизни о смерть
добыча зла открытым способом

один мой друг
пишет везде — груз двести
возвращая меня в это трение
слов и цифр
и я тру свою русость
молча
сглатывая слюну

где собираются живые поэты
и гудят своими сухими груз двести глотками? —
спрашивает как бы он меня

чтобы не соврать, пишу из точки, будто уже умерла
будто это последняя возможность вытолкнуть звук как выдох-хаусбол
на чёрную дорожку вселенной —
трепет звезды в окне

скрежет лицемерия, недосказанности, желания успеха
как мозаичный ковёр с могилы Нуриева — жих-жих
какой к чёрту успех, когда на всех парах несёшься
в «старость, болезнь и смерть»
как это можно развидеть?

кровавая пизда войны жрёт остатки ума
словно мокрые от дождя лепестки ириса возле подъезда —
они уже проглочены её взглядом — в один присест

можно ли присвоить время заново как вещь?
расковырять его ударами внимания, словно блестящую от пота грушу
выпорхнуть из кокона «как оно есть» в продолговатую влагу ночи
удрать от любого определяющего в место, где неразбериха —
королева
и ни с кем уже не воюет

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫХ В МОСКВЕ В 2022 ГОДУ С РАЗНИЦЕЙ В 4 МЕСЯЦА

1

в Москве тяжёлые серые облака
как огромное икеевское одеяло нависают над пальцами высоток
рот словно зашит, перешит, перекроен, перестроен
забит невыговоренным стыдом
первый день, когда я могу хоть что-то писать
во мне проснулся тёплый живой разговор, словно моча
не знаю, сколько продлится моё пребывание в этом мире
начинаю думать, куда упаковать вещи, сколько времени
у меня осталось
жду освобождения от страха потерять то, что имею, ничего не иметь
стать чистой и неправильной, словно это тяжёлое небо
ведь неправильно так нависать над окном в начале марта

2

летняя субботняя Москва
мамы гуляют с колясками
такими же, очень похожими
на ту

вокруг зелень и только прошел тёплый летний дождь

у меня нет детей
недавно хотела удочерить новорождённую малышку
обговаривала с мамой возможности кормления
размышляла о родительстве

это было за неделю до коляски
и разорванного тельца

не знаю, что чувствую сейчас

словно возвращается смертная казнь в рай
и ангелы готовят электрический стул
специальный блок для расстрелов
начищают стволы
учат псалтырь

V

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

НЕВОЗМОЖНАЯ НАДЕЖДА СВЕТЛЯЧКА
по мотивам стихотворения Камиллы Т. Данги
(Camille T. Dungy) «Characteristics of Life»

*по словам ученых, пятая часть беспозвоночных может оказаться
под угрозой исчезновения*

BBC Nature News

помнишь серебряноборское золотко —
крохотную улиточку с жёлтым домиком?
часть моего дыхания говорит за неё
о непривлекательности асфальтовых мхов
привет вам, мхи!
о жизни, которая под ногами
отступает и замирает как мгновения памяти

за стрекозу, водомерку, моллюска,
гусеницу, жука, паука, муравья — я дышу
дышу, дышу, дышу, дышу весь день
дышу с тех времён, когда бесхребетность не осуждалась

спроси меня, есть ли во мне вскрик ушастой медузы. я скажу тебе
сегодня — одно, завтра — другое
и я буду последовательна, как всё живое
на этой планете

меня несут кони ветра
а что движет тобой? внутри и вне своего черепа
ты можешь понять меня
фильтрую, фильтрую, фильтрую весь день
спроси меня от имени наутилуса, —
смогу ли от его имени ответить тебе я или промолчу

как пустая раковина наutilus на полке.
я могу быть красивой, знаешь,
но это бесполезно, если я стану мёртвой раковиной

спроси меня, что я знаю о тоске, и я расскажу о расстояниях
между двумя луговыми цветками
как в стихотворении Лизы Неклессы

невозможная надежда светлячка
говорит во мне
или
это ты свечой горишь
сидя на стуле перед компом
ты можешь без слов опознать
моё желание
сказать, что это бессмысленно, — значит упустить суть

**ЧУЖИЕ СЛОВА, или
КОГДА ТЫ ОТКРЫВАЕШЬ ДЕВУШКУ,
БУДУЩЕЕ ВЫПЛЁСКИВАЕТСЯ
НА АККУРАТНЫЙ КЛОЧОК СМАРТФОНА**
*по мотивам стихотворений Джоэл Тейлор (Joelle Taylor)
из сборника «C+nto & Othared Poets» (микс вольного перевода,
перегруппировка смыслов и значений, изгнание слов в пустоту,
эксперимент над текстом)*

*ты слишком хороша, чтобы быть правдой
Боб Крю, Боб Гаудио*

*

свет
по стеклу
сплетничает

как молитва
еретическая
пыль
поднимается

втыкаются
в обсидиановые
небеса
сигареты

улыбка твоя —
пустая
скамья
церковная

женщины
распяты на хэштегах
по тёмным холмам
медленно умираем

*

ангелы с небес не падают
в час закрытия уходят
хуи свои откручивают
в кузовах черных кэбов
тела свои покидают

в гостиной — революция
в общественных туалетах — бунт
в пригороде — мятеж

тела наши — плакаты политические
мы танцуем

из щелей в окнах
слова эякулируют

машины запинаются

*

застенчивый мальчик — я
застенчивый мальчик — ты

друг на друга
голоса карабкаются
из воды лестницу
плетём

говорим
нечего как враги ходить
в кровать односпальную
грубой стены кирпичной

*

изгнание — пол мой
колокол церковный — сердце
вата запутанная
узлами говорящая — я

собака — каждая из рук моих
рот открываю — гудок охотничий
насилие — мать его
кулаки грудью кормит

научи меня выдёргивать
сорняки из языка моего
булавку из стихотворения
вытаскивать

*

некоторые девушки
бурю несут во рту
некоторые — в ладонях

из обрезков врагов
сделает она друзей
сегодня вечером

*

как двоичный код
волосы падают
там, где они приземляются
лес полный природы дикой

две истины могут существовать
в одном и том же пространстве
на противоположные концы бара опираясь
друг от друга отвернувшись

кулаки свободны

*

мы так много раз спасали жизни друг друга
говорит она лесу, — маяками мы стали
тёмными сплетнями-морями омываемы
толпящиеся головы качаются
девушки наши на танцполе дрейфуют

друг друга притянули мы
из обломков собственных тел
образовывали островки из синяков
обещая, что однажды
мы будем жить там

*

рот гроба открыт от удивления
гимн шаркающих ног
псалом неловкости
лицо её избито косметикой

*

моя дорогая
мой первосвященник благочестивой порнографии
поэтический сутенёр
ты можешь трахнуть моё священное сердце

хочу написать книгу, в которой живу
историю, где девушка получает девушку
как мне попросить
организовать пыль
приколоть ночь

знаю, если ты прижмёшь ухо к моей раковине
услышишь зуд моховых тротуаров
зов с пчёлами во рту
услышишь северных оленей
похоронный смех моей матери
медленный танец костей возле борделей

моя упавшая ваза
пизда кинцуги
закрашиваю шрамы глиттерами

внутри женщин — другие женщины
как мне написать, что и ты там
красотка-пыльница
свернулась клубочком глубоко
в своей пещере необыкновенного ужаса

каждый раз, когда ты
открываешь рот
белый человек выскакивает
выщипывать страницы

Радикальная интроспекция

Несмотря на точную датировку, кажется, что представленные в книге поэтические тексты Марии Лобановой совпадают с гораздо большим периодом времени, охватывающим как минимум два последних десятилетия, связанных с интенсивным развитием языка современной поэзии. Особенно заметно, что Лобанова находится в диалоге с поэте_ссами, которые стремятся обнаружить и/или демистифицировать скрытые пружины реальности, управляющие человеком и обществом, обращаясь то к острой социальной критике, как Елена Фанайлова, то к культурно-исторической интроспекции, как Татьяна Мосеева, чья достаточно раскрепощенная поэтическая речь способна абсорбировать любой дискурс, от любовного до научного. Но если Мосеева создавала свои поэтические тексты в начале века, когда конвергенция «поэтического» и «политического»/«социального» еще не была самой насущной проблемой для современной литературы, то завершающие большой исторический период 2019–2022 гг., которыми датированы вошедшие в книгу Марии Лобановой стихи, вместили пандемийную клаустрофобию, оставившую людей наедине с самими собой и целым списком неразрешимых моральных вопросов, а также полномасштабную войну против Украины, которая продолжается по сей день и которая явно изменит социальный и культурный контексты РФ. Кажется, одно из ключевых — по крайней мере, для автора этих строк — стихотворений книги показывает этот исторический разрыв через наполненный милитантными метафорами язык, выражающий любовный сюжет: если в начале стихотворения лирическая героиня признается, что «на твоё спасение я пустила все свои войска / гаубицы нежности разрывные прикосновения / прозрачные бойцы снов <...> / бэтээры воспоминаний <...> / подлодки мечтаний...», то в конце возникает, увы, совершенно реальная «ракета, сделанная в городе, где я родилась», которая «снесла твоё электричество вместе с интернетом». При помощи серии смысловых смещений Лобановой удастся начертить карту чувств, по которым исследователи будут узнавать последние двадцать пять лет (возможно, это были лучшие годы нашей жизни). Сегодня эти аффективные

траектории оказались вмерзшими в лед экспонатами, в которых Лобанова хочет разглядеть черты новой реальности.

Стихи Мариин Лобановой интроспективны, можно даже сказать — радикально интроспективны. В них — в отличие от подавляющего большинства современных текстов — присутствует достаточно четко очерченное «я» — точка, в которой сходятся разнообразные отношения между человеком и миром, которые никогда не останавливаются, пребывая в постоянном движении, изменяясь в непредсказуемых направлениях. Отказываясь от интеллектуализации (которую не следует путать с умом и поэтической интуицией), Лобанова последовательно изучает то, как работает поэтическая машина, для которой body не менее ценный источник информации и вдохновения, чем mind. Мир, представленный в поэтических текстах Лобановой, ценен своей фактурой, а движимое страстью письмо обращено к многообразию чувственного опыта, в котором культура не противостоит природе, но дополняет, поддерживает ее: «люблю не знать о тебе почти / ничего словно ты агент под прикрытием / твоё тайное задание вскрыть череп моего языка / сделать ум прозрачным сверхпрочным экраном / на котором проявляются образы понятные только тебе».

Мы чувствуем запах, мы пробуем универсум на вкус. При этом посвященные телесности и сексуальности тексты книги по нынешним временам можно назвать почти целомудренными: кажется, они ближе к куртуазным жестам Софии Парнок или умолчаниям Иры Новицкой, лишь немного заходя на территорию бескомпромиссности, характерную для Моник Виттиг или Кэти Акер. Лобанова останавливается перед каким-то важным барьером, и дело не в поэтическом «зажиге» (которого нет), но в практически непередаваемой исключительности, которую переживает человек как телесный субъект. Для описания этого опыта не всегда легко подобрать слова, но его могут очертить и математические формулы, и прямое высказывание, и поэтизмы, которые встраиваются Лобановой в неожиданный контекст и свидетельствуют об особенной интенсивности переживания.

Денис Ларионов

Содержание

I ПЕСЕНКИ ТРУБАДУРА

«грязные письма стали чистыми...»	7
дрилбу	8
«наверное, возможны иные способы любить...»	9
«странно, почему я не стесняюсь себя перед тобой...»	10
«когда я впервые увидела тебя...»	11
когда влюбляешься, становишься немножко беременной	12
а ты хотел бы рыбой стать?	13
«возлюбленная по ночам крадёт коней сердца моего...»	14
«по ночам она смотрит в глаза мне...»	15
«люблю, когда ты разрушаешь моё чувство ритма...»	16
о переводе ласки нежной на почву твёрдую	17
луна дыра земля пустое и снова луна	19
«нет одного взгляда...»	22
маки	23
«вода ждёт...»	26
всё захвачено	27
лествица в рай	29
поговори со мною	30
пятое подземелье	32
майбутне	33
имя	34
пропорция	35
«что привело меня к тебе?..»	37
«в пасти зверя флуеры бузинные...»	38
«представь, что нет снова ничего. нет квадратного восприятия...»	39
«если я затихла — ищущий способ звучать...»	40
«на твоё спасение я пустила все свои войска...»	41
«я уже перестала считать какой это день...»	42
«любимая...»	43
«что так безумно в образе твоём...»	45
«пока ночь тянется синим ртом к масляным векам...»	46

«доверие подобно тому, как воины вкладывают свои мечи в ножны друг друга...»	47
августовские любовницы	48
«иногда сама не понимаю, где предел страсти куда упаду сегодня...» . .	50
«не узнаёшь во мне каменный остов...»	51
песенка трубадура	52
«рага о тёплых воспоминаниях...»	53
«если я буду сравнивать тебя с чем-то...»	54
«с балкона лезут тени ламантинов...»	55
страшнее смерти	56
блюз	57

II

ЧЁРНЫЙ КУНЖУТ МЫШЛЕНИЯ

чёрный кунжут мышления	61
упор	64
«во рту земли плавает жёлтый язык...»	65
«в измерении без форм...»	66
«прозрачные тюльпаны...»	67
близость	68
«считать дни...»	69
«соловушка поёт...»	70
«сiju на веточке своего рассудка...»	71
полуавтоматические стихи	72
когда безмолвие признаётся ценностью	74
текст — пустыня	76

III

ОБРАТНЫЙ ПОРЯДОК ТЕЛА

обратный порядок тела	81
роды	83
вишенка	84
«мой отец говорил, — член должен быть толстым...»	86
вышиванка	87
«побрила седые виски...»	88
планета 2	89
«помнишь, Владька рассказывал о своей поездке в Корею?...»	91
последний раз	92
молчаливые архивы истории	93

IV ТОЛЬКО НЕ ЖЕЛЕЗНЫМ ПРЕДМЕТОМ

только не железным предметом	97
«вылизывает родина-рысь...»	98
«я — жирный кот виктор...»	99
серое утро	100
история, которая не могла произойти со мной	102
чёрный волк	103
«тому, кто в зеркало глядит и проклинает...»	105
«голодная ночь, привет...»	106
«чтобы не соврать пишу из точки будто уже умерла...»	107
два стихотворения, написанных в Москве в 2022 году с разницей в 4 месяца	108

V ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

невозможная надежда светлячка	113
чужие слова, или когда ты открываешь девушку, будущее выплёскивается на аккуратный клочок смартфона . . .	115
Радикальная интроспекция. <i>Послесловие Дениса Ларионова</i>	120